

ЕЛЮТИНА КСЕНИЯ

Тени
прошлого!

Ксения Елютина

Тени прошлого

<https://litres.ru/74019409>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если ты умер, но так и не сдал последнее дело?

Шестьдесят лет Элиас Гробовский застревал между мирами — пока под колёсами машины не погиб опер Андрей Морозов. Призрак вселился в ещё тёплое тело и получил сломанные рёбра, чужую невесту и напарника, который не собирается становиться оболочкой.

Теперь два детектива в одной шкуре расследуют дело о вдове с пустыми глазами. За ней стоят зеленоглазые твари, питающиеся душами. Остановить их можно только одним способом: сжечь главную книгу огнём, который не умеют поджигать ни живые, ни мёртвые. Только те, кому есть что терять.

Содержание

Пролог. Зелёный свет	4
Глава 1. Черная вдова.	16
Г	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ксения Елютина

Тени прошлого

Пролог. Зелёный свет

Ночь. 3:30.

Глубокий мрак предрассветного часа был внезапно разорван жгучим, необъяснимым ощущением – Андрей проснулся от того, что кто-то не просто пристально наблюдал за ним, а буквально *смотрел*, проникая сквозь покровы сна и реальности. Это было не мимолётное предчувствие, не игра расшалившегося воображения, а нечто гораздо более осязаемое, почти жестокое. По его позвоночнику, начиная от самого копчика и медленно, мучительно ползя вверх до затылка, проходило неосязаемое, но невыносимо холодное давление, словно некий ледяной палец очерчивал каждый позвонок, оставляя за собой след жгучего страха. Андрей резко, без промедления распахнул глаза, его взгляд упёрся в привычный, истерзанный временем потолок. Всё было на месте: та же самая трещина, что годами кривилась над его кроватью, теперь казалась изогнутой в какой-то злорадной, насмешливой улыбке, совсем как таинственная ухмылка Чеширского кота из старой сказки. И, конечно, рядом был Элиас, но именно его присутствие, обычно такое активное, сей-

час парадоксальным образом выражалось в абсолютной тишине. Он молчал.

Но эта тишина была чудовищно иной. Это не была успокаивающая, привычная ночная безмятежность, когда мир замирает в ожидании рассвета. Это была густая, давящая, почти физически ощутимая ватная тишина, которая наступает перед самой сокрушительной грозой или, что ещё хуже, сразу после мощного взрыва, когда в ушах закладывает и мир становится отстранённым, приглушённым. Воздух в комнате, казалось, стал плотнее, насытившись не высказанным напряжением. Сердце Андрея начало отбивать тревожный, неравномерный ритм, отражая внутреннее смятение.

— Дед? — позвал Андрей, голос его звучал скорее как отчаянная проверка реальности, нежели как искренняя надежда на незамедлительный ответ. — Ты там?

Тишина в ответ не просто сохранилась, она сгустилась, превратившись в нечто осязаемое, почти твёрдое. Андрей инстинктивно сел на кровати, его тело напряглось, а внутри, под самой грудной клеткой, он явственно ощутил, как неумолимо разрастается липкая, холодная пустота, вытесняя всё остальное. Непроизвольно он похлопал себя по груди, словно желая убедиться, что ничего важного, что должно быть внутри, не исчезло без следа. Это было сродни тому, как человек лихорадочно ищет ключи в карманах, и они, по закону подлости, всегда находятся в самом последнем, наименее очевидном месте. Только в этом случае «посмот-

реть» можно было исключительно внутри себя, в глубины собственной растерянности и страха.

— Элиас! — В голосе Андрея, прежде сдержанном, теперь прорезались острые, резкие нотки неприкрытой паники. — Ты чего молчишь? Это совершенно не смешно!

— Я не молчу, — раздался наконец голос Элиаса, пробиваясь сквозь гнетущую тишину, но он был совершенно чужим, неестественно приглушённым, будто Элиас говорил не рядом, а из соседней комнаты, разделённой толстой, звуконепроницаемой стеной. Голос казался отстранённым, лишённым привычных ворчливых интонаций. — Я... слушаю.

— Что ты слушаешь? — Андрей, движимый нарастающим беспокойством, лихорадочно шарил рукой по тумбочке, пытаясь нащупать часы. Его пальцы, казалось, скользили по поверхности, не находя привычных предметов. Наконец, он схватил их, и тусклый циферблат подтвердил его худшие опасения: стрелки указывали половину четвёртого утра. Самый глухой, самый беззащитный час ночи, когда мир спит самым крепким сном, а тонкая завеса между явью и чем-то иным истончается до предела.

— Тишину. — Голос Элиаса стал чуть отчётливее, приобретя странную, почти мистическую отстранённую задумчивость, словно он созерцал нечто, недоступное обычным чувствам. — Она звенит. Ты разве не слышишь этого?

Андрей напрягся, стараясь прислушаться к каждому звуку. В комнате царила абсолютная тишина, лишь нарушае-

мая слабым тиканьем настенных часов, монотонно отсчитывающих мгновения, и мягким шуршанием, доносящимся от нагретых батарей. За окном продолжался лёгкий снегопад, укутывая мир в пушистое белое покрывало, и на улицах почти не было машин, что делало это обычное зимнее утро ещё более спокойным, почти идиллическим. Внешне не было ничего, что могло бы оправдать тревогу Элиаса.

— Ничего не слышу, — ответил Андрей, в его голосе проскользнула нотка разочарования и, возможно, даже лёгкого раздражения. — Только часы. И шуршание батарей. Ничего необычного.

— Вот это и плохо, — вздохнул Элиас, его голос теперь звучал с глубоким, почти меланхолическим сожалением, словно он нёс в себе знание о некой неизбежной беде. — Потому что я слышу совсем другое. Я различаю шёпот. Не один голос, а множество, целый хор, сливающийся в неразборчивое, но настойчивое звучание. Они зовут. Не по имени, нет... они зовут именно меня, ощущают моё присутствие. И сегодня это ощущение стало намного сильнее, чем было вчера. А вчера оно было сильнее, чем позавчера. Эта нарастающая интенсивность не может быть случайностью.

— Кто? — Андрей задал этот вопрос, прекрасно понимая, какой ответ последует, но в глубине души всё ещё отчаянно надеясь, что его предчувствие окажется ошибочным, что есть какое-то другое, более рациональное объяснение происходящему.

— Они, напарник. — Голос Элиаса дрогнул впервые за очень долгое время, этот сбой в его обычно невозмутимом тоне был гораздо красноречивее любых слов. В нём прозвучала непривычная нотка уязвимости, глубокой, почти интимной тревоги. — Кажется, наше тихое существование, наше хрупкое убежище, закончилось, едва успев по-настоящему начаться. Они не просто поняли, что я исчез без следа; они осознали, что я *где-то рядом*, что моё присутствие стало реальным, осязаемым. И теперь они меня ищут. Неумолимо, целенаправленно. Охота началась, Андрей. Я не знаю, когда именно будет нанесён первый удар, но он, несомненно, будет. Это лишь вопрос времени.

Андрей на мгновение погрузился в молчание, обдумывая услышанное, пытаясь совладать с нахлынувшей волной страха. Затем он коротко хмыкнул, стараясь привнести в этот тяжёлый момент хоть каплю привычной иронии, которая часто служила ему щитом против невыносимого. — Ты это специально, да? Чтобы я не смог выспаться перед нашими завтрашними «разборками»? Ведь ты же знаешь, мне нужен полноценный отдых.

— Я вообще-то о твоей безопасности беспокоюсь, — обиженно отозвался Элиас, его голос прозвучал с нотками укора, но в нём сквозила и подлинная забота, хоть и выраженная в свойственной ему манере. — А ты, вместо того чтобы серьёзно отнестись к ситуации, отпускаешь шуточки.

— Моя безопасность, дед, в первую очередь зависит от

того, насколько я выспался и насколько способен ясно мыслить, — парировал Андрей, пытаясь вернуть разговор в более привычное русло, где юмор был допустим. — А ты мне тут целую «охоту» устраиваешь прямо посреди ночи, лишая меня драгоценного сна.

— Не называй меня дедом, — проворчал Элиас, в его голосе вновь появилась та знакомая, слегка раздражённая интонация, которая, как ни странно, парадоксально успокаивала Андрея, возвращая ощущение привычности. — И ложись спать. Завтрашний день сам покажет, кто из нас охотник, а кто станет дичью.

— Ты сам же сказал, — напомнил Андрей, не упуская возможности подколоть своего необычного напарника. — Что дичь — это мы.

— Сказал. Но дичь бывает очень разной, — возразил Элиас, и в его голосе прозвучала нотка упрямой, почти дикой решимости. — Иной раз дичь оказывается настолько сильной и свирепой, что способна сама порвать любого охотника, который осмелится на неё посягнуть.

Андрей позволил себе лёгкую усмешку в непроглядной темноте комнаты. Несмотря на весь ужас последних минут, слова Элиаса, его непоколебимый дух, немного успокаивали. Он уже было собрался снова лечь, пытаясь хоть как-то заснуть, но вместо этого принял более удобное сидячее положение и потянулся за стаканом воды, который стоял на тумбочке. Сделав большой глоток, Андрей поморщился: во-

да оказалась тёплой и неприятно отдавала железом, словно в ней растворились частички старого ржавого металла.

— Ладно, старый. Спокойной ночи, — пробормотал он, стараясь придать своему голосу как можно больше равнодушия, чтобы скрыть лёгкую дрожь.

— Спокойной ночи, напарник. И перестань наконец храпеть, — произнёс Элиас с лёгким, едва уловимым ворчанием, которое, как ни странно, звучало почти утешительно.

— Я не храплю, — автоматически ответил Андрей, уже привыкший к этим старым, постоянно повторяющимся спорам.

— Храпишь, — настаивал Элиас, и в его голосе прозвучали нотки нескрываемого превосходства. — И во сне разговариваешь. Позавчера, например, ты отчётливо сказал «бутерброды с колбасой» и при этом загадочно улыбался. Мне было очень любопытно узнать, что именно тебе снилось в тот момент, но ты так и не ответил, когда проснулся.

— Мне снились бутерброды с колбасой, — не моргнув глазом, с абсолютной невозмутимостью соврал Андрей, добавляя, чтобы подразнить Элиаса: — А что, призракам нельзя, чтобы людям снились бутерброды?

— Можно, — согласился Элиас, в его голосе слышалась лёгкая усмешка. — Но учти: если ты вдруг начнёшь готовить их во сне, озвучивая весь процесс вслух, я оставляю за собой полное право комментировать твой рецепт, давать советы и, возможно, даже вносить свои коррективы.

— Спокойной ночи, Элиас, — с лёгким вздохом, полным усталости, произнёс Андрей, понимая, что этот разговор может длиться бесконечно.

— Спокойной, Андрей, — ответил Элиас, и его голос, на этот раз, прозвучал уже серьёзнее, лишённый всякой шутливости, что немедленно привлекло внимание Андрея.

Именно в этот момент, за окном, прямо над карнизом, на долю секунды вспыхнул странный зелёный свет. Он был холодным, неестественным, лишённым всякой теплоты, напоминающим тусклое свечение гниющего дерева глубокой ночью. Этот свет, подобно вспышке неземного пламени, мгновенно осветил падающие снежинки, на короткое мгновение превратив их в мириады крошечных, призрачно светящихся точек, которые сверкнули и тут же погасли, растворившись в окружающей тьме. Слово некий невидимый наблюдатель подал знак, а затем вновь скрылся.

— Ты это видел? — выдохнул Андрей, его голос был едва слышен, полный шока и нарастающего ужаса.

— Видел, — мрачно ответил Элиас, подтверждая его опасения. Его голос теперь был лишён всяких намёков на шутки или ворчание, став тяжёлым и решительным. — Это было не просто наблюдение, Андрей. Это был чёткий, недвусмысленный сигнал. Они дают нам знать, что охота началась. И, что самое важное, в этот раз дичь — это мы с тобой.

— И что будем делать? — Андрей задал этот вопрос, его голос был твёрдым, несмотря на внутреннюю дрожь. В нём

уже не было паники, только холодная, прагматичная оценка ситуации.

— То же, что и всегда, — голос Элиаса окреп, наполнившись знакомыми командирскими нотками, которые Андрей так хорошо помнил. В нём прозвучала решимость и готовность к действию. — Охотиться. Но теперь мы не станем ждать, пока они придут за нами. Мы пойдём по их следу первыми, опережая их шаг.

— След? У нас есть след? — Андрей задал этот вопрос, в его голосе сквозило недоверие, смешанное с отчаянной надеждой.

— Будет, — уверенно заявил Элиас. — Если они активизировались и начали свою охоту, это означает только одно: где-то происходит нечто, что их сильно тревожит, что нарушает их планы или угрожает их существованию. Нам нужно найти это «что-то», эту точку уязвимости или источник их беспокойства. А для этого — на работу, напарник. Участок, Алёхин, дела. Наша рутина, теперь обретшая совершенно иной смысл.

Андрей молча кивнул в темноту, внутренне соглашаясь с логикой Элиаса. Он вновь лёг, пытаясь найти хоть какой-то покой, но сон так и не пришёл сразу. Его мысли лихорадочно кружили вокруг увиденного зелёного света за окном, вокруг таинственного шёпота, который слышал только Элиас. Ему вдруг показалось, что и он сам начинает различать этот шёпот, хотя и не в виде слов, а как некое далёкое, низкое

гудение, напоминающее звук от высоковольтной линии. Это могло быть просто разыгравшееся воображение, но с каждой минутой он всё больше склонялся к мысли, что его связь с Элиасом становится намного теснее и глубже, чем он мог себе представить. Их сущности переплетались, и Андрей, казалось, начинал воспринимать мир через призму не только собственных, но и призрачных чувств.

Он лежал в непроницаемой темноте, прислушиваясь к почти бесшумному падению снега за окном, к тиканью часов, отмеряющих беспокойные мгновения. Его глаза, широко распахнутые, отказывались закрываться, словно боялись упустить что-то важное в этом новом, угрожающем мире. Тревога, острая и едкая, грызла его изнутри, заставляя сердце биться чаще, чем того требовал покой ночи, отзываясь тупой болью в груди.

«Не спишь?» — тихо, почти шёпотом, обратился к нему Элиас, его голос теперь звучал мягко, с нотками участия.

«Не могу, — ответил Андрей мысленно, ощущая, как его голова полна смятения, как мысли спутались в хаотичный клубок. — В голове полная каша, дед. Кто они на самом деле? И почему именно сейчас, когда мы вроде бы только начали привыкать к относительной стабильности?»

«Потому что я перестал прятаться, Андрей. Это ключевой момент, — голос Элиаса стал серьёзным, поясняющим. — Когда я был лишь неосязаемой тенью, бесплотным воспоминанием, они меня не замечали, не ощущали. Но теперь... те-

перь я снова стал настоящим. Хотя бы отчасти, благодаря тебе. И они это чувствуют, ощущают моё присутствие с невероятной остротой. Это как акулы, которые за милю чувствуют кровь в воде. Самое главное, ты, Андрей, не бойся. Страх — это их основное топливо, их движущая сила. Он для них как бензин для машины, питающий их мощь. Без страха, без подпитки человеческой паникой, они слабеют, их сила иссякает».

«Но ведь ты сам говорил, что боишься», — Андрей не упустил случая напомнить Элиасу о его собственных словах, проверяя его убеждения на прочность.

«Боюсь, — согласился Элиас, без тени сомнения, его признание прозвучало спокойно и уверенно. — Но я не позволяю этому страху управлять мной, диктовать мне мои действия. Это огромная, принципиальная разница. А теперь, пожалуйста, спи. Завтра нам действительно понадобятся свежие головы, чтобы ясно мыслить, и, как ни странно, холодные животы».

«Животы?» — переспросил Андрей, удивлённый странным выражением.

«Да, холодные желудки, говорят, лучше соображают, — пояснил Элиас, и в его голосе проскользнула лёгкая, едва уловимая усмешка. — Не знаю, насколько это правда, но звучит вполне убедительно, не так ли? Спокойной ночи, напарник».

Андрей, несмотря на всё происходящее, позволил себе

коротко усмехнуться в темноту. Тревога, конечно, никуда не исчезла, она всё ещё подспудно присутствовала, но стало чуть легче, словно часть её веса сняли с его плеч. Рядом был Элиас, его необычный, ворчливый, но такой надёжный напарник. И пока это было так — пока они были вместе — он мог позволить себе немного спокойствия, немного хрупкого сна.

Глава 1. Черная вдова.

Участок, погружённый в свою обыденную суету, встретил их привычным гомоном, какофонией звуков, сплетающихся в единую, узнаваемую мелодию рабочего дня. Сидоров, как всегда, неистово ругался с кем-то по телефону, его голос звенел от негодования и бессильной ярости. Дежурный, с выражением глубокой скуки на лице, лениво перелистывал страницы сводок, то и дело зевая. В воздухе витал стойкий, давно знакомый запах остывшего кофе, смешивающийся с сыростью, что проникала с улицы вместе с тающим снегом. Андрей прошёл через общий зал, обмениваясь мимолётными кивками со знакомыми лицами, и направился к кабинету Алёхина, предчувствуя, что день не принесёт ему ничего, кроме новых сложностей.— Морозов! — гаркнул Алёхин из-за двери, его голос, усиленный пространством кабинета, прозвучал резко и безапелляционно. — Зайди! Андрей невольно переглянулся со своим отражением в зеркальной двери шкафа, стоявшего в коридоре. После почти бессонной ночи его вид был, мягко говоря, помятым: глаза красные, в них читалась усталость, а на щеке красовалась чёткая складка от подушки, словно печать бессонницы.«Чувствую, всыпят нам по первое число, напарник», — хмыкнул Элиас, его мысленный голос был полон иронии, почти довольства. Он, казалось, наслаждался предвкушением неиз-

бежных неприятностей. «С чего бы это? — мысленно отозвался Андрей, пытаясь понять логику призрака. — Мы же вроде ничего предосудительного не сделали». «В том-то и дело, — продолжил Элиас, его голос теперь звучал с оттенком наставничества. — Начальство, как правило, очень не любит, когда подчинённые демонстративно ничего не делают, особенно если это ничего является следствием их неявки на работу. А ещё ты спал на работе. Вернее, не спал, но выглядишь именно так, что для начальства равносильно преступлению». Алёхин сидел за столом, набычившись, его брови были нахмурены, а в пальцах он непроизвольно крутил авторучку, словно пытаясь сосредоточиться. Перед ним лежала тонкая папка, и её вид не предвещал ничего хорошего. — Садись, — буркнул он, не поднимая глаз. — Есть дело. Очень странное. — Странное — это как раз по нашей части, — неосторожно ляпнул Андрей, усаживаясь на стул и пытаясь скрыть своё волнение за маской показной невозмутимости. Алёхин поднял на него подозрительный взгляд. — Ты чего такой весёлый с утра? Опять тот голос? — Какой голос? — Андрей сделал максимально невинное выражение лица, пытаясь изобразить полное непонимание. — Ну, тот, что у тебя иногда появляется, — Алёхин махнул рукой, явно не желая вдаваться в подробности, которые, вероятно, уже успели стать предметом слухов и недоумения среди коллег. — Ладно. Читай. Он протянул тонкую папку. Андрей открыл её, и первое, что бросилось в глаза, была фотография жен-

щины. Лет тридцати пяти, безусловно красивая, но её красота была холодной, почти породистой, с тяжёлыми тёмными волосами, аккуратно собранными в строгий, безупречный пучок. Однако самое главное в её образе были глаза: пустые, словно выцветшие, в них не читалось ни эмоций, ни жизни, лишь бездонная глубина. Она смотрела прямо в камеру, но казалось, что её взгляд проникает куда-то далеко за пределы объектива, в иное измерение.— Анжела Романова, — прокомментировал Алёхин, наблюдая за реакцией Андрея. — Фамилия ни о чём тебе не говорит? Не вызывает никаких ассоциаций?— Романова? — переспросил Андрей, и внутри него Элиас ощутимо напрягся, его мысленное присутствие стало более концентрированным, внимательным.— То-то и оно. Дом — полная чаша. Эта — вдова. Месяц назад её муж умер при очень странных обстоятельствах.— Каких именно? — Андрей, чувствуя нарастающую тревогу, задал уточняющий вопрос. Алёхин открыл папку и аккуратно разложил перед Андреем несколько фотографий, на которых были запечатлены место происшествия и детали несчастного случая.— Упал с лестницы в собственном особняке. И не один раз, а трижды подряд. — Он ткнул пальцем в схему дома, нарисованную от руки. — Экспертиза показала многочисленные переломы, абсолютно несовместимые с жизнью. Создаётся впечатление, что мужик упал, затем каким-то образом встал, поднялся обратно по лестнице и грохнулся ещё дважды. «Его заставили, — тихо, почти шёпотом,

произнёс Элиас, его голос звучал с мрачной убеждённо­стью. — Или управляли им, словно марионеткой. Смотри внима­тельнее на следы: они не хаотичные, не случайные. Создаётся впечатление, что он буквально маршировал, следуя неко­ему невидимому ритму». Андрей взгляделся в фотографии, прищурив глаза, и Элиас оказался прав: отпечатки на пыль­ных ступенях действительно складывались в какой-то стран­ный, ритмичный узор. Шаг, ещё шаг, поворот — и затем срыв. Слово кто-то невидимый вёл его за руку, а потом вне­запно толкнул. И так трижды, с пугающей методичностью. — Через неделю после похорон её сестра пропала, — продол­жал Алёхин, его голос был лишён всяких эмоций, просто констатировал факты. — Вышла за сигаретами, как обычно, — и бесследно исчезла. А вчера её нашли. В подвале их за­городного дома. В обычном мешке для мусора. И что самое жуткое, она была ещё жива, когда её туда засунули. Три дня дышала этим мешком, медленно задыхаясь. Андрей почув­ствовал, как внутри Элиаса поднялась глухая, тяжёлая вол­на гнева, которая передалась и ему. Это была не ярость в привычном понимании, не вспышка безудержной ярости, а нечто гораздо более холодное, более древнее, как гнев того, кто видел слишком много смертей и, несмотря на это, так и не смог к ним привыкнуть, продолжая ощущать остроту каждой трагедии. — А вдова? — спросил Андрей, стараясь сохранить спокойствие. — А вдова сидит себе в особняке, с невозмутимой улыбкой на лице, и утверждает, что ничего не

знает, — Алёхин покачал головой, в его голосе прозвучало явное недоумение. — Мы приехали к ней: дом идеальный, обед на плите, сама с безупречной укладкой. И эти глаза пустые. Как у куклы, лишённой души. Совсем как у Краснова, помнишь?— Помню, — ответил Андрей, и ком в горле встал сам собой, с трудом позволяя ему говорить. Краснов — грязный, жалкий человек, из которого Элиас буквально вытянул всю тьму, превратив его в живую, но опустошённую оболочку. Теперь он лежал в психиатрической клинике, глядя в потолок, не спал, не говорил, но иногда, как рассказывали санитары, плакал. Настоящими, живыми слезами, что давало слабую надежду.— Улик нет, — Алёхин хитро прищурился, явно предвкушая реакцию Андрея. — Но я тебя знаю. Ты у нас по призракам специалист. Поезжай в особняк. Поговори с ней. Может, ты сможешь вытянуть из неё что-то, что нам недоступно. Андрей молча кивнул, взял тонкую папку и вышел из кабинета. В коридоре его тут же перехватил Сидоров, его голос был полон странной смеси любопытства и тревоги.— Слышал, тебе Романову подсунули? Мутное дело, скажу я тебе. Я вчера там был, когда сестру нашли. Знаешь, что самое странное? Запах. В подвале пахло не трупом, нет. Поверх этого, что-то сладкое, приторное, удушающее. Как в церкви, когда ладан жгут, только намного хуже, отвратительнее. Я этот запах уже где-то чуял, но никак не могу вспомнить, где именно.«В подвале у Краснова, — тихо, но с глубокой убеждённостью произнёс Элиас, его

мысленный голос был полон мрачного знания. — Там пахло точно так же. Это их запах. Запах тех, кто стоит за этим всем». Андрей поблагодари Сидорова, его взгляд стал задумчивым, и вышел на улицу, его мысли уже метались, пытаюсь сложить все кусочки головоломки. Андрей сел в машину, завёл мотор, но не тронулся с места. Его взгляд непроизвольно упал на собственные руки — они всё ещё заметно дрожали, выдавая внутреннее напряжение, несмотря на внешнее спокойствие. Он почувствовал, как сердце тревожно сжимается. «Элиас, я не хочу к ней ехать. Честно, — мысленно признался Андрей, его голос был полон откровенной усталости. — Эта пустота в глазах, которую я видел на фотографии она намного хуже, чем у Краснова. У Краснова ещё теплилась крошечная, но надежда на то, что он очнётся, что к нему вернётся жизнь. А здесь здесь она смотрит на тебя и словно видит сквозь, игнорируя твоё существование, как будто ты для неё просто пустое место». «Понимаю, — голос Элиаса был на удивление тихим, лишённым обычного ворчания или иронии. В нём звучала неподдельная эмпатия. — Но ты полицейский, Андрей. Твоя работа заключается в том, чтобы идти туда, куда другие боятся, куда не хотят ступить. И моя работа — быть рядом с тобой, поддерживать тебя в этом пути». «Ты действительно думаешь, что она нам что-то расскажет? Что она вообще способна на это?» — задал Андрей вопрос, в котором сквозила доля скептицизма. «Расскажет, — уверенно произнёс Элиас. — Не потому, что за-

хочет, нет. А потому что не сможет иначе, будет вынуждена. Я чувствую — глубоко внутри неё ещё теплится человек, пусть и крошечный, слабый, почти невидимый, но живой. И мы должны его разбудить, вытащить наружу». «А если нет? Если там уже ничего не осталось?» — Андрей, не переставая, пытался найти лазейку, путь к отступлению. «Значит, будем искать другие способы, — голос Элиаса стал твёрже, в нём вновь появились нотки решимости. — Но не попробовав, мы не отступим. Давай, Андрей. В конце концов, что такого страшного может с нами случиться? Нас уже пытались убить. Дважды». «Трижды, если считать ту аварию, которая нас свела», — усмехнулся Андрей, пытаясь привнести в разговор немного своего привычного чёрного юмора, разряжая напряжение. «Трижды, — согласился Элиас, и в его голосе прозвучало некое призрачное удовлетворение. — И мы до сих пор живы. Почти». Андрей выжал сцепление, включил передачу и выехал со стоянки. В зеркале заднего вида на мгновение мелькнула знакомая серая «Лада», которая уже несколько дней преследовала их. «Они опять здесь», — проворкотал Андрей, его голос был почти бесцветным. «Пусть смотрят, — ответил Элиас с вызовом. — Заодно увидят, как мы разговариваем с мёртвыми, как общаемся с теми, кто находится за гранью. Может быть, это их хоть немного напугает». «Ты думаешь, они вообще умеют бояться?» — спросил Андрей, в его голосе сквозило сомнение. «Все умеют бояться, Андрей. Даже те, у кого вместо глаз светятся зелёные фо-

нари, — произнёс Элиас, его голос был полон мрачной уверенности. — Страх — это универсальное чувство». Прежде чем отправиться в особняк, Андрей решил заглянуть в морг. Старый судмедэксперт, Илья Григорьевич, встретил его без особого энтузиазма, его лицо было как всегда угрюмым. Андрей попросил посмотреть тело сестры пропавшей женщины, чувствуя, как внутри нарастает напряжение. В прозекторской было невыносимо холодно, этот холод пробирал до костей. Кафельный пол отражал тусклый свет ламп дневного света, создавая гнетущую атмосферу. Посередине комнаты стоял металлический стол, на котором лежало тело, укрытое простынёй. Илья Григорьевич откинул ткань, и Андрей заставил себя смотреть, с трудом подавляя отвращение. Перед ним лежала молодая женщина со светлыми волосами, на её лице застыли следы ужаса, запечатлевшиеся в последний момент её жизни. И запах. Слабый, едва уловимый, но всё ещё витающий в воздухе, сладковатый, приторный, неестественный, он вызывал ощущение удушья. Следы на запястьях были тонкими, будто от верёвки, но не от грубой бечёвки или обычных пут. — Что это? — спросил Андрей, указывая на них. — Интересный вопрос, Морозов. Волокна, которые мы обнаружили в ранках, оказались шёлком. Натуральным шёлком чёрного цвета. Такие шнуры обычно используют для дорогих портьер или для ритуальных одеяний. «На ритуальных одеяниях, — повторил Элиас, его мысленный голос был полон мрачного знания. — Это часть их обряда. Их обря-

ды всегда отличались особой, извращённой красотой. Они вообще любят всё красивое, потому что красота прекрасно маскирует гниль, скрывает истинную сущность». — Причина смерти — асфиксия. Задохнулась в мешке, — продолжил Илья Григорьевич, его голос был сухим и бесстрастным. — Но перед этим она была в сознании, Морозов. Её держали. Кто-то держал её, пока она медленно задыхалась. — Илья Григорьевич помолчал, затем добавил, понизив голос: — И ещё кое-что. На внутренней стороне губ — микронадрывы, словно она пыталась кричать, но её рот был заклеен. Не обычным пластырем, нет. Чем-то органическим. Паутина, Морозов. Или нечто очень на неё похожее, что-то вязкое и крепкое. Андрей поблагодарил эксперта, его мысли были полны новых, жутких деталей. Он вышел из прозекторской, чувствуя, как холод пробирает его до самых костей, и сел в машину. Завёл мотор, но снова не тронулся с места, погрузившись в глубокую задумчивость. Его взгляд скользнул по рукам, которые всё ещё слегка дрожали, затем устремился в окно, на серое, затянутое облаками небо. — Элиас, а есть чего-нибудь хочется. Прямо волком, — неожиданно произнёс Андрей, пытаясь отвлечься от гнетущих мыслей. — Тебе только что труп показывали, — устало сказал Элиас, в его голосе слышалась неприкрытая ирония. — Какой уж тут аппетит? — Нервная работа, — парировал Андрей, пытаясь оправдать свою внезапную тягу к еде. — У тебя что, при жизни не бывало такого? — Бывало, — вздохнул Элиас,

вспоминая свои давно ушедшие дни. — Но я предпочитал не есть непосредственно перед свиданием с трупами. Вкус потом совсем не тот, всё какое-то пресное. — Ты издеваешься? — Андрей не мог поверить своим ушам. — Ничуть, — Элиас был серьёзен. — Есть такая примета: если заглянешь в море на голодный желудок, то потом целый день будешь бесконечно жрать, а сытости так и не почувствуешь. — Суеверный ты, дед, — Андрей всё же достал из бардачка засохший сухарь, откусил, поморщился от его черствости. — Чёрствый, как сама жизнь. — А что хотел? Коньяк с икрой, напарник? Мы же не в ресторане, — едко заметил Элиас. Андрей выбросил сухарь, вытер руки и разложил бумаги, пытаясь сосредоточиться. Пять месяцев назад Анжела Романова легла в частную клинику под названием «Рассвет» с диагнозом «нервное истощение». Выписалась она всего через две недели, и это обстоятельство показалось Андрею весьма подозрительным. «Смотри внимательно на клинику, — сказал Элиас, его голос теперь был полон предчувствия. — Именно тогда она изменилась. До клиники — она была живым человеком. После — лишь пустой куклой. Название Рассвет мне очень знакомо. В деле Зильбермана, шестьдесят лет назад, был обнаружен чек именно из этой клиники. Нам определённо стоит проверить это позже». Андрей достал телефон, нашёл в заметках старый файл — хронологию по делу Краснова, которое они недавно закрыли. Он начал сравнивать даты. Пять месяцев назад Анжела находилась в клинике. Шесть месяцев

назад — произошло первое появление книги у Ветрова. Совпадение? Или же это звенья одной, зловещей цепи? «Элиас, ты говорил, что чек из Рассвета был в деле Зильбермана. А что ещё ты помнишь об этом?» — Андрей жадно ловил каждое его слово. «Зильберман лечился от бессонницы, — ответил Элиас, медленно извлекая воспоминания из глубин своей призрачной памяти. — За месяц до своего таинственного исчезновения. А уже через неделю после выписки — он просто пропал. Тогда я не придавал этому особого значения, считал просто случайным совпадением. Но теперь» «А теперь ты думаешь, что клиника — это некий вербовочный центр? Или что-то вроде того?» — Андрей закончил его мысль, чувствуя, как нарастает холод. «Именно. Или что-то очень похожее, — подтвердил Элиас. — Там людей ломают, их волю подавляют, а затем передают заказчикам. Как Анжелу. Ты ведь видел её глаза. Эта абсолютная пустота. Такая же, как у Краснова перед тем, как я его освободил». Андрей поморщился. Он не любил вспоминать того грязного, жалкого человечка, который после встречи с Элиасом превратился в овощ, живую, но лишённую разума оболочку. И всё же — «овощ» был жив. И, как говорили, иногда плакал. Настоящими слезами. Может, это и есть начало возвращения, тонкая ниточка надежды. «Ты уверен, что с ним всё будет в порядке? Ну, в смысле, что он может очнуться?» — Андрей не мог отделаться от чувства вины. «Не знаю, — честно ответил Элиас. — Но я дал ему шанс. Это больше, чем он сам

когда-либо давал другим. Хватит об этом. Давай дальше по списку, времени у нас немного». Особняк Романовых величественно возвышался на окраине элитного посёлка, словно мрачный памятник чужому несчастью. Андрей приоткрыл окно машины. Морозный воздух пах не только зимой — к нему примешивался едва уловимый, но отчётливый сладковатый душок, тот самый, что они уже чувствовали. «Чувствуешь?» — спросил Элиас, его мысленный голос был полон напряжения. «Чувствую, — ответил Андрей, внутренне сжимаясь. — Он сильнее, чем в участке. Как будто здесь этим запахом пропитано всё — и стены дома, и сама земля, и даже падающий снег». Андрей ещё раз посмотрел на свои руки. Они всё ещё заметно дрожали, но теперь — уже меньше. Это была не паника, а скорее предвкушение неизбежного, холодная решимость. Он завёл мотор и медленно подъехал к кованым воротам особняка, чувствуя, как каждый метр приближения к этому месту наполняет его странной смесью страха и решимости. Дверь особняка открылась сама собой, едва Андрей подошёл. На пороге стояла Анжела Романова — в чёрном платье, которое подчеркивало её холодную красоту, с безупречной укладкой, но с той же мёртвой пустотой во взгляде, которая, казалось, проникала насквозь. — Проходите. Я знала, что вы придёте. — Её голос был ровным, лишённым всяких эмоций. Она провела его в гостиную, где царил полумрак. Андрей опустился на диван напротив, чувствуя, как его охватывает странное оцепенение. «Та же пу-

стога, что и у Краснова, — тихо сказал Элиас, его голос был полон мрачного предчувствия. — Но эта ещё на ниточках. Она ещё танцует, но уже управляется кем-то». — Вы знаете, зачем я пришёл? — спросил Андрей, пытаясь пробить эту стену равнодушия. — Вы хотите спросить про мужа. Про сестру. Вы хотите понять, как именно я это сделала. — В её голосе прозвучало лёгкое, едва уловимое высокомерие. — Вы признаётесь? — Андрей не мог поверить своим ушам. — Улик нет. Я — идеальная вдова. Скорбящая, несчастная, и, что немаловажно, богатая. — Она вдруг подалась вперёд, и в её глазах на мгновение мелькнуло нечто живое — хищный интерес, блеск, который на мгновение разрушил маску безразличия. — А вы действительно хотите её узнать? «Андрей, — голос Элиаса стал стальным, полным скрытой силы и предупреждения. — Она видит меня. Не просто догадывается о моём присутствии — она именно *видит*». — Да, — кивнула Анжела, её взгляд был устремлён прямо в глаза Андрея, но, казалось, она смотрела не на него, а *сквозь* него, видя что-то другое. — Ты пахнешь смертью, старик. Давней, тяжёлой, пропитанной веками. Ты застрял между мирами, и теперь нашёл себе тёплое местечко. Уютно устроился. Элиас вышел вперёд, его призрачная сущность на мгновение взяла верх. Андрей почувствовал, как контроль над его телом на мгновение ускользнул, а затем тут же вернулся, но уже с другой, более глубокой и могущественной интонацией. — Кто ты? — Голос, вышедший из уст Андрея, принадлежал

Элиасу, он был полон силы и вызова.— Я — Чёрная вдова. Я убила мужа. Я убила сестру. И я сделаю это снова. Потому что мне это нравится. — Её слова прозвучали с абсолютной, леденящей душу хладнокровностью.— Ты была человеком, — сказал Элиас, пытаясь достучаться до чего-то в ней. — Была. Слабой, глупой, постоянно испуганной, — Анжела усмехнулась, и эта усмешка была полна презрения. — А потом я попала в клинику. «Нервное истощение», — сказали врачи. А на самом деле там были они. Пришли ночью. Показали, как стать сильной, как обрести власть. И я согласилась, не раздумывая.— Кто — они? — Голос Элиаса был напряжённым.— Ты скоро узнаешь. Они уже здесь. Им нужен ты, старик. — Она указала в угол комнаты, и Андрей почувствовал, как по его коже пробежали мурашки. В тени стояли фигуры. Высокие, неестественно худые, с бледной, почти прозрачной кожей. И глаза — зелёные. Множество зелёных, мерцающих огней.— Здравствуй, Гробовский,— прошелестели голоса, сливаясь в единый, жуткий хор, который, казалось, проникал в самую суть Андрея. — Мы ждали тебя. Андрей рванул к выходу, но дверь захлопнулась сама собой, с грохотом отрезав путь к спасению.— Дед, — прошептал он, его голос дрожал. — Что делать?— Держись. Не выходи из тела, — голос Элиаса был полон напряжения.— Ты ведь так ничего и не понял, детектив? — усмехнулась Анжела, её глаза блеснули зловещим светом. — Твоё последнее дело было именно про них. Ты был так близко, что смог их

увидеть. Поэтому тебя и убили.— Мне сказали — сердце, — возразил Андрей, вспоминая официальную версию своей смерти.— А на самом деле — яд. Медленный, без вкуса и запаха. Он медленно убивал тебя. А потом ты застрял, стал неприкаянным призраком. И они искали тебя всё это время, ощущая твоё присутствие.Тьма в комнате сгустилась, стала почти осязаемой. Зелёные глаза приближались, их холодное свечение проникало в самую душу. Андрей чувствовал, как его воля тает, как нечто холодное, чуждое проникает под кожу, пытаясь разъединить его с Элиасом, вырвать призрака из его тела.— А теперь мы заберём его, — прошептала Анжела, её голос был полон зловещего торжества. — А ты будешь лишь беспомощно смотреть.— Дед! Они меня вытаскивают! — закричал Андрей, чувствуя, как его собственная сущность начинает отрываться от физической оболочки.— Держись за меня, Андрей! — Голос Элиаса стал твёрдым, как сталь, полным невероятной силы и решимости. — Я кое-что понял. Я не просто умею вселяться. Я умею разрывать связи. А она она ещё не полностью их. В ней ещё осталось что-то человеческое, какой-то уголёк прежней души.Элиас направил всю свою призрачную силу в Анжелу. Это был не захват, не попытка вселиться в неё, а, скорее, мощный толчок, направленный на пробуждение. Он не сжигал её тьму, не пытался уничтожить её насильно, а методично вытягивал её, снимая слой за слоем, подобно тому, как очищают старый, запылённый предмет. И на самом дне, глубоко под все-

ми наслаениями чужой воли и зла, он обнаружил то, что ещё теплилось: крошечный, почти угасший уголёк прежней Анжелы, её истинной сущности. Она вскрикнула, пронзительно и страшно. Упала на колени, судорожно хватаясь за голову. Зелёные глаза вокруг заметались, их свет начал гаснуть, теряя свою зловещую яркость.— Нет! — прошипел один из голосов, звучащий откуда-то из темноты, полный ярости и отчаяния. — Она вырывается! Анжела подняла голову, и в её глазах — впервые за долгие месяцы — появились слёзы. Настоящие, горькие слёзы, которые текли по её щекам, смывая маску холодного безразличия.— Уходите, — прошептала она, её голос был слабым, но в нём звучала невероятная сила воли и последнее усилие. — Пока я их держу. Найдите клинику. Найдите доктора Вольского. Он знает. Он всё знает. Андрей, не раздумывая ни секунды, рванул к двери. На этот раз она поддалась, открывшись с лёгким скрипом. Он выбежал на крыльцо, вдохнул морозный воздух полной грудью, чувствуя, как он обжигает лёгкие, но при этом приносит невероятное облегчение. Сзади, из дома, слышался звон бьющегося стекла и нечеловеческий вой, полный ярости и бессилия. В машине его трясло. Он чувствовал, как его тело пронзает мелкая дрожь, реакция на пережитый ужас.— Дед, — прохрипел он, отъезжая от особняка. — Что это было? Что ты сделал?— Я вытянул из неё всю тьму, что они вложили. Весь яд, который они впрыснули в её душу, — голос Элиаса был усталым, но в нём звучало глубокое удовлетворе-

ние. — А когда снял последний слой там, на самом дне, ещё теплилась она. Прежняя Анжела. Живая. Я даже не думал, что так бывает, что после всего этого может что-то остаться. — Вольский, — сказал Андрей, доставая блокнот и ручку, пытаюсь записать новые, жизненно важные сведения. — Клиника «Рассвет». Нам нужно это проверить, как можно скорее. — Проверим. Но сначала — архив. Моё старое дело должно где-то храниться, — Элиас вновь обрел свою прежнюю решимость. — Если они охотились за мной шестьдесят лет, значит, я был близок к чему-то очень важному, к тому, что могло бы их остановить. Они отъехали всего на пару километров, когда Андрей внезапно остановил машину у обочины. Его руки дрожали, но уже не от холода, а от нервного напряжения. Он крепко сжал руль, пытаюсь унять эту неуправляемую дрожь, ощущая, как его сердце отбивает бешеный ритм. За окном мелькали редкие силуэты других машин, а снегопад усиливался, залепляя лобовое стекло белыми хлопьями. Андрей включил дворники, но его взгляд был устремлён не на дорогу, а куда-то глубоко внутрь себя, пытаюсь осмыслить произошедшее. «Дед, объясни мне одну вещь, — мысленно обратился он к Элиасу, его голос был полон замешательства. — Эти книги откуда они вообще взялись? Кто их создал? И почему одни люди, столкнувшись с ними, становятся призраками, такими как ты, а другие превращаются в чудовищных монстров, подобных тем, что мы видели?» Элиас долго молчал, его призрачная сущность словно погру-

зилась в глубокие раздумья. Затем он заговорил — медленно, сбивчиво, словно сам вспоминал то, что когда-то знал, но давно забыл, словно собирал по крупицам разрозненные фрагменты древних знаний. «Я не знаю точного ответа, Андрей. Шестьдесят лет назад я рылся в архивах, читал старые, ветхие манускрипты, расспрашивал знахарей и священников, пытаюсь найти хоть какую-то информацию. И понял одно: эти книги пришли из глубины веков, их корни уходят в далёкое прошлое. Говорят, их создали алхимики в Средние века. Шесть человек. Шесть книг. Каждый из них отчаянно хотел получить бессмертие, обрести вечную жизнь. И они получили его. Но это бессмертие оказалось изощрённой ловушкой, проклятием. Они стали пожирать чужие души, чтобы поддерживать свою собственную жизнь, свою сущность. Чем дольше они жили, тем меньше в них оставалось человеческого. Со временем они превратились в то, что мы видели сегодня — в бездушных, пустых оболочек. Только некоторые, самые сильные из них, сумели сохранить остатки разума. Их называют Хранителями. Или Пожирателями — кому как больше нравится». «А ты? Ты ведь не такой. Ты — не Пожиратель, — Андрей попытался понять его место в этой зловещей иерархии. «Я — случайность, Андрей. Некий сбой в системе, — Элиас усмехнулся, и эта усмешка была наполнена горечью и иронией судьбы. — Меня убили, но я не ушёл, не исчез полностью. Я не заключал никаких контрактов, не подписывал эти книги кровью. Я просто застрял между ми-

рами. И мой голод — это не голод по чужим душам, нет. Это голод по жизни. По теплу. По вкусу горячего кофе. По спору с тобой на кухне. Я питаюсь эмоциями, а не сущностями. Краснов я не убил его, Андрей. Я освободил его от того, что его мучило, от той тьмы, что его поглощала. Если когда-нибудь он очнётся, он не будет помнить боли. Только покой, абсолютный покой». «А Анжела?» — спросил Андрей, чувствуя, как в нём просыпается новое понимание. «Анжела — это другое. Она добровольно пошла на это, пусть и не осознавая всех последствий, — Элиас тяжело вздохнул. — Её сломали в клинике, превратили в куклу, лишённую собственной воли. Но внутри неё остался крошечный уголёк человечности. Я его раздул. Она сама выбрала — уйти в сон, но уйти человеком, сохранив свою сущность. Это гораздо больше, чем могли дать ей эти зелёноглазые твари». Андрей помолчал, медленно переваривая услышанное, осознавая всю глубину этого мрачного мира. Снег за окном падал всё гуще, застилая вид белой пеленой. В салоне было тепло, но его всё равно знобило, по телу пробегали мурашки. Ему вдруг подумалось об отце — о том, что тот, возможно, тоже был в чьём-то зловещем списке, и эта мысль резанула острее, чем он ожидал, оставив глубокий, болезненный след. «Значит, книги — это капкан, искусно расставленная ловушка. А Пожиратели — это те, кто попал в неё и либо не захотел, либо не смог выйти», — подвёл итог Андрей, формулируя своё понимание. «Или не смог. Это уже не так важно, — ответил Эли-

ас. — Главное — мы теперь знаем, как они действуют. И, что самое важное, мы знаем, что их можно остановить». «Как? Огнём души? Но откуда мы возьмём этот огонь?» — Андрей был растерян. «Найдём, — уверенно сказал Элиас, его голос был полон непоколебимой решимости. — У нас есть карта, есть имена, моя тетрадь. Есть Трактат, который должен дать Ефим. И в конце концов, есть мы. Двое. Живой и мёртвый. Этого, поверь мне, достаточно». «Ты всегда был таким оптимистом?» — усмехнулся Андрей, пытаясь разрядить напряжение. «При жизни — да, был. После смерти — научился. Это помогает держаться, — ответил Элиас. — Поехали, Андрей. Завтра нас ждёт архив, и нам нужно быть готовыми». Андрей завёл мотор. В зеркале заднего вида особняк Романовых постепенно таял в снежной мгле, превращаясь в неясное пятно. Он всё ещё ощущал сладковатый запах — или это ему только казалось, игра воображения. Но внутри, под рёбрами, Элиас молчал, и это молчание было на удивление спокойным, почти умиротворённым. Охота началась, это было очевидно. Но теперь у них было нечто вроде оружия — знание и решимость.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.